

Список цитируемых источников

1. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / Б. А. Серебренников [и др.] ; под общ. ред. Б. А. Серебренникова. — М. : Наука, 1970. — 604 с.
2. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — М. : Наука, 1989. — 188 с.
3. Скворцов, Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии / Л. И. Скворцов // Литературная норма и просторечие : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. языка ; под ред. Л. И. Скворцова. — М., 1977. — С. 29—57.
4. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. — 462 с.
5. Химик, В. В. Язык современной молодежи / В. В. Химик // Современная русская речь : состояние и функционирование : сб. аналит. материалов ; под ред. С. И. Богданова. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. — С. 7—63.
6. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. — 2-е изд. — М. : Либроком, 2009. — 104 с.
7. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / В. А. Хомяков ; Ленингр. гос. ун-т. — Л., 1980. — 39 с.
8. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen. — Oxford : Blackwell, 1982. — 304 p.
9. Бондалетов, В. Д. Типология и генезис русских арго : учеб. пособие к спецкурсу / В. Д. Бондалетов ; Ряз. гос. пед. ин-т. — Рязань, 1987. — 84 с.
10. Жирмунский, В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. — Л. : Худ. лит., 1936. — 297 с.
11. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. — М. : Высш. шк., 1978. — 216 с.
12. Крысин, Л. П. Проблемы социальной и функциональной дифференциации языка / Л. П. Крысин // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация / Л. П. Крысин. — М., 2003. — С. 11—33.
13. Липатов, А. Т. Русский сленг и его соотносительность с жаргоном и арго / А. Т. Липатов // Семантика и уровни ее реализации : сб. науч. тр. / под ред. А. Г. Лыкова ; Краснодар. гос. ун-т. — Краснодар, 1994. — С. 71—79.
14. Дубровина, К. Н. Студенческий жаргон / К. Н. Дубровина // Филол. науки. — 1980. — № 1. — С. 78—82.
15. Типы синонимов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5958342/page/2/>. — Дата доступа: 25.04.2019.
16. Wentworth, H. A dictionary of American slang / H. Wentworth, S. B. Flexner. — 2nd ed. — N. Y. : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. — 766 p.
17. Мотивированность слова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5964749/page/12/>. — Дата доступа: 25.04.2019.

УДК 81

Т. В. Морозкина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», Ульяновск, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Язык всегда теснейшим образом
связан с национальным духом.

В. фон Гумбольдт

Введение. Понимание — одно из самых важных и необходимых условий в ситуации межкультурного взаимодействия. При этом речь идет не о понимании речевых партнеров в сугубо коммуникативном плане, а о ментальном балансе в сознании субъектов речи при общении. Языковое понимание — это результат владения языковой компетенцией, вербальная интерпретация лингвокультурных сущностей и национально-культурной специфики, декодируемых сознанием в результате речемыслительных процессов. Таким образом, основу понимания составляет ментальная плоскость взаимодействия реальной и языковой картины мира индивида.

Основная часть. Языковое сознание реализуется в языковом поведении, которое определяется коммуникативной ситуацией, а также языковым и культурным статусом человека, его социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, а также рядом переменных параметров личности [12, с. 104].

В определении статуса языка в теории коммуникации несколько десятилетий назад американский исследователь С. Поттер утверждал, что язык — это важная составляющая поведения индивида, управляющая традициями и культурой [16, с. 175]. С последующим распространением психологического направления в лингвистике и определением психолингвистики спектр исследований перемещается в плоскость речемыслительных процессов. По мнению Д. Слобина и Дж. Грина, в изучении вопросов коммуникативной деятельности на тот момент развития психолингвистики приоритетными являлись глубинные знания и способности, которыми должны обладать люди, чтобы овладевать языком в детстве и затем пользоваться им [17, с. 21]. Знания и способности из прошлого опыта образуют фрейм ситуации. Фрейм в данном случае — это та опорная конструкция блока знаний, на основе которой формируется коммуникативный план при условии активизации речемыслительной деятельности индивида. Именно на

стыке развертывания фреймовых представлений и их соотношения с реальной действительностью развивается рефлексия реципиента, которая на последующем этапе выражается во внешнем плане коммуникации.

Язык самым тесным образом связан с культурой, и в этом звене субъект речи занимает промежуточное положение, являясь носителем языка и культуры. Утверждение С. Г. Тер-Минасовой о том, что язык не просто отражает мир человека и его культуру, а хранит культуру и передает ее из поколения в поколение, стало аксиомой и определяет тенденции развития современной теории межкультурной коммуникации [12, с. 100].

Мнение С. Г. Тер-Минасовой о приоритете отражающей функции языка разделяет А. П. Садохин в изучении актуального вопроса соотношения языка и культуры. По утверждению А. П. Садохина, язык является специфическим средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением. Благодаря языку осуществляется специфически человеческая форма передачи социального опыта, культурных норм и традиций, через язык реализуется преемственность различных поколений и исторических эпох [12, с. 63].

В двуединстве языка и культуры, согласно научным представлениям Н. В. Барышникова, культуру следует понимать, как манеру мыслить, чувствовать, реагировать, которая достигается и передается посредством символов, первыми среди которых являются речь, искусство, религия, наука. Таким образом, понятие «культура» включает в себя знания, структуру поведения общества и систему свойственных ему ценностей [1, с. 24].

Сказанное выше согласуется с теорией В. фон Гумбольдта о так называемом «духе нации», который находит свое отображение в языке каждой нации [5, с. 35].

В логико-философском трактате Л. Витгенштейна предпринята попытка решить основные философские проблемы через призму соотношения языка и мира. В частности, Л. Витгенштейн полагал, что язык отражает мир, потому что логическая структура языка идентична онтологической структуре мира [4, с. 58].

На наш взгляд, к решению определения статуса языка в системе ценностей точно подошел Й. Л. Вайсгербер, углубляя теорию В. фон Гумбольдта и актуализируя языковую личность как носителя языка и культуры. Согласно логике Й. Л. Вайсгербера, язык является промежуточным миром (Zwischenwelt) между человеком и внешним миром [3, с. 123].

Таким образом, в вопросе соотношения языка и культуры ключевой фигурой выступает языковая личность как носитель национально-культурных и лингвокультурных особенностей, отраженных в коммуникативном поведении субъекта речи. С помощью языка вербализуются мысли человека, ментальное отношение к различным феноменам, которые его окружают. Язык — это отображение концептуального образа мира, а культура является фоном.

Исследования языковой личности в условиях стремительно развивающейся новой научной парадигмы, интеграции лингвистики с психологией, нейрофизиологией, культурологией открыло новые перспективы изучения субъекта речи как носителя языка и культуры. С позиции когнитивно-прагматического подхода изучения речемыслительной деятельности индивида в ситуации межличностного общения объектом исследования становится не языковая система, а носитель языка — языковой личности, что способствует решению целого ряда задач о способах изучения языка, о ресурсах когнитивной базы индивида, лингвокультурной адаптации коммуниканта в ситуации межкультурного взаимодействия [7; 9].

В современной науке принято считать, что понятие языковой личности принадлежит лингвистике, а не психологии. Однако научный подход в изучении языковой личности в коммуникативно-прагматическом аспекте заложен в толковании феномена личности А. А. Леонтьева из перспективы психолингвистики. Согласно научным представлениям А. А. Леонтьева, личность представляет собой определенную иерархическую структуру человеческих отношений, общественных по своей природе [8, с. 187].

Впоследствии автор модели языковой личности Г. И. Богин, основатель Тверской школы герменевтики, одним из первых применил понятие языковой личности в лингвистике, рассматривая языковую личность емко, подчеркивая при этом ее функциональные особенности. По мысли Г. И. Богина, языковая личность — это субъект, присваивающий язык. Языковая личность характеризуется не только тем, что она знает о языке, а тем, что она может делать с языком [2, с. 3—4].

В ракурсе коммуникативно-прагматических исследований Ф. И. Шарков дополняет ресурс языковой личности такими когнитивными и функциональными параметрами, как коммуникабельность, харизма, переходя к понятию коммуникативной личности [14, с. 9].

В определении языковой личности ряда исследователей в аспекте межкультурной коммуникации доминантным признаком является многогранность, свидетельствующая о широте горизонта исследования. На наш взгляд, при таком подходе в объектив исследования попадают несколько видов компетенций: коммуникативная, межкультурная, герменевтическая.

Развивая идею антропоцентричности языка, В. А. Маслова трактует лингвокультурную языковую личность как многослойную и многокомпонентную парадигму языковых личностей, закрепленный в языке базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий временную и инвариантную часть структуры личности [10, с. 121].

Вслед за В. А. Масловой О. Л. Леонтович рассматривает каждую конкретную языковую личность в качестве многослойной структуры, объединяющей в себе черты больших и малых языковых сообществ, плюс свои собственные черты, накладывающие отпечаток на характер коммуникации [8, с. 102].

На основании сказанного можно сделать вывод о том, под языковой личностью в межкультурной коммуникации следует понимать индивида, речевая деятельность которого осуществляется в двух режимах коммуникации: *в форме внутреннего диалога/монолога на основе национально-культурных представлений, отражающих национальную картину мира, а затем эксплицируется во внешней коммуникации с учетом лингвокультурных особенностей субъекта речи и речевого партнера, наличия речевого опыта, а также экстралингвистических условий ситуации коммуникативного взаимодействия.* В этих сложных когнитивных процессах восприятия, отражения, формировании представления, понимания, перевода смысла высказывания во внешнюю коммуникацию исключительную функцию выполняет внутреннее «Я» личности, или рефлектирующий субъект (RS). Таким образом, языковая личность имеет многослойную смысловую структуру в соответствии с внешним и внутренним коммуникативным планом.

В теории бессознательного З. Фрейда это «Я» связано с сознанием, господствует над побуждениями к движению во внешний мир. Это та душевная инстанция, которая контролирует все частные процессы, из этого «Я» исходит также вытеснение, благодаря которому известные душевные побуждения подлежат исключению не только из сознания, но также из других областей влияний и действий [13, с. 427].

Следовательно, «Я» — это проявление сознания субъекта речи, выполняющее контролирующую функцию. Сознание обращено на самого себя — RS1, с другой стороны, суб-«Я», или RS1a, управляет «Я» реальным, RS1. Механизм взаимодействия «Я» реального и суб-«Я» осуществляется во внутренней коммуникации (рефлексивно-дискурсивном измерении) в форме внутреннего диалога или монолога.

Придерживаясь гипотезы Э. Сепира и Б. Уорфа, в которой доминантную позицию занимает языковая личность как носитель языковой и национально-культурной информации и реализует свой коммуникативный потенциал за счет когнитивных способностей высшего уровня: мышления, восприятия, понимания, рассмотрим механизм погружения в межкультурную интеракцию с позиции когнитивно-прагматического подхода.

При изучении речемыслительной деятельности индивида с позиции когнитивно-прагматического подхода в режиме межкультурного общения в системе отношений «субъект—субъект» были определены следующие личностно-индивидуальные коммуникативные параметры субъекта речи: темперамент, степень коммуникативной доступности (интраверт/экстраверт), интуиция, речевой опыт, коммуникативная гибкость, лингвокультурный ресурс.

Человек как носитель национальной ментальности участвует в совместной деятельности с другими представителями национальной общности [10, с. 20]. Данная ментальность и отношение выражаются с помощью языка. Язык является не только средством общения, но и способом выражения отношений к собеседнику, к самому себе, к ситуации коммуникативного общения. Так реализуется *модально-оценочная функция рефлексии индивида.*

Основываясь на изложенных положениях, можно предположить, что траектория механизма речемыслительной деятельности индивида как представителя определенного языка и культуры разворачивается в следующей последовательности: культура — сознание — язык. Сознание фокусирует внешние импульсы, сканирует и обрабатывает одну за другой картинки действительности, соотнося с имеющейся системой знаний образующую когнитивную базу реципиента, тем самым задает программу коммуникативного поведения субъекта речи и открывает возможность изучения ряда вопросов межкультурного взаимодействия [11, с. 48]. В данном случае язык выполняет не только свою основную коммуникативную функцию, но, по мнению Н. И. Жинкина, экспликативную, являясь средством мышления [6, с. 160].

При декодировании смысла высказывания наиболее важным представляется когнитивный процесс, механизм восприятия и понимания. Разделяя точку зрения В. А. Масловой и В. М. Пименовой о функциональных особенностях кода как генеративно-интерпретационного аспекта знаковой системы, обратимся к процессу восприятия и понимания (интерпретации) передаваемого посредством кода смысла [10, с. 26]. При таком подходе акцентируется декодирующая функция языкового сознания, поскольку язык и культура в антропологическом аспекте замыкаются на мышлении.

Прежде всего важно учитывать нерелевантность понятийного аппарата представителей различного этноса. Согласно справедливому замечанию С. Г. Тер-Минасовой, путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания [12, с. 47].

Уместно согласиться с мнением С. Пинкера о наличии так называемого мыслекода, присущего каждому этносу и способному выражать его представления и сущности о предметах и явлениях [15, с. 69].

В освещении данного вопроса вновь вернемся к концепции «национального духа» В. фон Гумбольдта, предопределившей теорию языковой картины мира. Языковая картина мира — совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании.

Заключение. Языковой ресурс любого этноса отражает его культуру и самобытность, закрепленную веками историческую память. Вполне очевидно, что знания другого языка сами по себе без культурного основания не всегда позволяют понять собеседника по интеркультурной коммуникации.

Итак, можно сделать вывод о том, что погружение в другую культуру с последующим переключением культурно-языкового кода в ходе межкультурного взаимодействия представляет собой сложный рефлексивный процесс, недоступный непосредственному наблюдению, обусловленный интенциональной установкой адресата и его лингвокультурными особенностями.

Список цитируемых источников

1. Барышников, Н. В. Профессиональная межкультурная коммуникация : монография / Н. В. Барышников. — Пятигорск : ПГЛУ, 2010. — 264 с.
2. Богин, Г. И. Методологическое пособие по интерпретации художественного текста [Электронный ресурс] / Г. И. Богин. — КГУ, 1986. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/096/42096/files/index.html>. — Дата доступа: 10.02.2019.
3. Вайсгебер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгебер. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Едиториал УКСС, 2004. — 232 с.
4. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. и англ. В. Руднева. — М. : Территория будущего, 2005. — 440 с.
5. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М. : Прогресс, 2001. — 395 с.
6. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество : избр. тр. / Н. И. Жинкин. — М. : Лабиринт, 1998. — 360 с.
7. Кулинич, М. А. Теория и практика межкультурной коммуникации : учеб. пособие / М. А. Кулинич, О. А. Кострова ; под общ. ред. О. А. Костровой. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. — 248 с.
8. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О. А. Леонтович. — М. : Гнозис, 2007. — 368 с.
9. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 1997. — 365 с.
10. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. — 180 с.
11. Морозкина, Т. В. Когнитивно-прагматический аспект рефлексивного дискурса : монография / Т. В. Морозкина. — Ульяновск : УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2015. — 214 с.
12. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / А. П. Садохин. — М. : КРОКУС, 2016. — 254 с.
13. Фрейд, З. Психология бессознательного : сб. произведений / З. Фрейд ; состав., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. — М. : Просвещение, 1990. — 448 с.
14. Шарков, Ф. И. Основы теории коммуникации / Ф. И. Шарков. — М., 2002. — 245 с.
15. Pinker, S. Language and Instinct / S. Pinker. — 1994. — 464 p.
16. Potter, S. Language in the modern world / S. Potter. — Penguin Books, 1966. — 214 p.
17. Slobin, D. I. Psycholinguistics / D. I. Slobin. — University of California, Berkeley. Scott, Foresman and Company Glenview, Illinois London, 1971. — 148 p.

УДК 800

А. Г. Нестерович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ КОДЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Введение. Окружающая нас действительность и внутренний мир человека, национальное самосознание, ментальность, традиции и обычаи народа, совокупность его ценностей — все это и многое другое отображается в языке. В языке представлена культура народа, частью которой является фольклор. Соответственно, для определения картины отражения реальности в каком-либо языке используются пословицы и поговорки, относящиеся к разряду фразеологических единиц. Актуальность исследования и значительный интерес представляет отражение в языке национальных особенностей мировоззрения носителей английского языка, в частности репрезентация отношения к значимым для жизнедеятельности реалиям.

Цель исследования заключается в выявлении семантических и функциональных особенностей английских пословиц и поговорок. Объектом изучения выступают фразеологические единицы в английском языке, обозначающие трудовую деятельность.

Материалом данного исследования являются 62 лексические единицы, отобранные из сборника английских пословиц и поговорок С. Ф. Кусковской [1]; десятиязычного словаря фразеологических эквивалентов Н. А. Гончаровой [2]; русско-английского словаря пословиц С. С. Кузьмина и Н. Л. Шадрина [3]; толкового словаря английских пословиц Р. Райдаута, К. Уиттинга [4], а также издания Т. С. Ковальчук [5].

Основная часть. Пословицы и поговорки возникли в далекой древности, но до сих пор сохранились и являются необходимыми в быту и речи. Они отражают мудрость народа, выступают как сборник